

Богословская оценка и экклесиологические последствия кремации мертвых митрополит Иерофей (Влахос)

Выступление митрополита Навпактского и Святовласиевского Иерофея (Влахоса), текст которого предлагается читателям сайта «Православие.ру», состоялось на конференции, посвященной теме кремации мертвых, которая была организована Священным Синодом Элладской Церкви 3 марта 1999 года.

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить Священный Синод Элладской Церкви за то, что поручил мне высказаться по данной проблематике, которая столь волнует современное греческое общество. Речь не идет о том, чтобы я исчерпал эту сложную тему; я затрону в ней лишь богословские и экклесиологические аспекты. Другие стороны этой проблемы будут рассмотрены моими содокладчиками.

Вначале я хотел бы сказать, что в специальном исследовании профессора богословского факультета Афинского университета Георгия Антураки «Погребение, кремация и воскресение мертвых: свидетельства традиции и культуры» предоставлен богатый материал на эту тему. Я же сегодня останавлиюсь на трех узловых моментах.

Первый. Все культурные народы древности заботились о своих умерших даже больше, чем о живых, и, кроме того, у большинства народов была возможность выбора между погребением или сжиганием мертвого тела. Считается, что сжигание было вызвано страхом перед мертвым человеком или чтобы уничтожить трупы, которые считались источником заразы. В Греции, и древней, главным образом в классические времена, и сегодняшних дней, преобладает традиция погребать своих мертвых, поскольку веровали, что душа непогребенного человека не может войти в Элисейские равнины¹ и блуждает до тех пор, пока не обретет могилу. Тем не менее, в гомеровскую эпоху мы встречаемся с примерами сжигания тел умерших. В новые времена кремация мертвых была принята во Франции после революции апрельским указом 1789 года. Сегодня кремация широко распространена в различных Протестантских Церквях, в атеистических сообществах, среди масонов.

Второй. Сжигание умерших в древности всегда имело два существенных признака. Во-первых, оно сопровождалось определенным религиозным обрядом; во-вторых, никогда не применялся метод полного

уничтожения, превращения в пепел. После сжигания тела собирались оставшиеся кости, они клались в дорогой ковчежец и захоранивались в отдельных могилах. То есть было и сжигание, и погребение тела, но не полное испепеление. Кремация в специальных печах является нововведением, неизвестным в древние времена. Это нужно особо подчеркнуть.

Третий. С началом христианского периода мы не встречаем никаких свидетельств о добровольном сжигании тел усопших. Всегда христианство было за погребение всего тела. Должен сказать, что я не нашел решений Вселенских или Поместных Соборов, которые бы запрещали кремацию, но это как раз потому, что никому и в голову не пришло ставить вопрос о сжигании тел усопших. Косвенно каждый может обратиться к апостольским словам: «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы» (1Кор. 3: 17). Это место свидетельствует против всякого разрушения тела. Спиридон Макрис² сообщает, что у Тертуллиана есть ясная позиция, отвергающая сжигание усопших, но я не смог найти это место в трудах Тертуллиана.

Существует решение Священного Синода Элладской Церкви по этой проблеме. Когда в 1960 году тело выдающегося музыканта и дирижера, почетного академика Димитрия Митропулоса было кремировано (согласно его завещанию) и пепел помещен в простую урну, Элладская Церковь (несмотря на просьбы очень многих) отказалась от какого-либо официального или неофициального погребения и даже от простой литии.

Богословская оценка

Человек есть творение Божие, он имеет определенное начало и, конечно, не имеет конца, потому что так пожелал Бог. Само собой разумеется, что все тварное, которое имеет начало, имеет и конец. Однако, согласно воле Божией, это не так по отношению к человеку. Связь души с телом очень сильная, и мы можем проследить ее онтологически – не только в процессе смерти, но и в последующей жизни человека после его смерти. То есть как после исхода души из тела, так и в процессе нового соединения души с телом.

Сотворенный человек есть определенная ипостась-лицо, отличающаяся от любой другой сущности. И ипостась человека не определяется и не заключается только в душе, но распространяется на все существо его. Чрезвычайно важно то, что говорит святой Иустин Мученик и Философ, давая свое определение человеку: «Что такое человек как не животное разумное, состоящее из души и тела? Разве душа сама по себе есть человек? Нет, она душа человека. А тело разве может быть названо человеком? Нет, оно называется телом человека». И продолжает далее, что человеком не называется что-либо одно из двух – либо душа, либо тело, но «только существо, состоящее из соединений той и другого, называется человеком».

Это значит, что тело не есть просто тюрьма для души, как считали различные идеологические и философские течения древности, но одно из существенных составляющих ипостаси человека. Душа присутствует в теле своей энергией, оживотворяет тело. Очень показательны то, что в своих погребальных стихирах преподобный Иоанн Дамаскин, говоря о бездушном теле, которое находится во гробе, называет его «по образу Божию»: «И вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну³, безславну, не имущую вида». То есть мертвое тело продолжает называться образом Божиим. Это, конечно, не подразумевает, что Бог имеет плоть, но так говорится в двух значениях. Во-первых, Слово Божие, Христос, когда пришла полнота времен, воплотился, вочеловечился, и Он есть подлинный архетип человека. Во-вторых, как Господь оживотворяет все творение, так и душа человека оживотворяет тело.

Действительно, святой Григорий Палама говорит о том, что «по образу Божию» человека превосходит «по образу Божию» ангелов, хотя и люди, и ангелы имеют своим примером образ Святой Троицы – то есть

имеют ум, слово и дух. Душа человека с его духом животворит соединенное с ней тело, которого не имеют ангелы. То есть ангелы имеют дух, но не животворящий, поскольку не имеют тела. Напротив, умная и словесная природа души человека, так как была сотворена вместе с земным телом, «от Бога восприняла и дух животворящий». И действительно, душа имеет такую привычку и даже любовь к телу, «что никак не желает разлучаться его, но совсем не покидать и лишь насильно – по причине болезни великой или травмы извне».

Этот крепкий союз между душой и телом виден и в том обстоятельстве, что спасение человека не относится только к душе, но распространяется на всего человека, который состоит из души и тела. Все богослужение и таинства Церкви обращены ко всему человеку. Весь человек, состоящий из души и тела, возрожденный и живущий в Духе, является членом Тела Христова. Когда мы говорим о членах Церкви, то в действительности разумеем членов обоженной плоти, которую воспринял Христос от Пресвятой Девы. Наша связь с Церковью не мысленная, не мистическая, но реальная, поскольку мы составляем Тело Христово; она не только духовная, душевная и психическая, но и телесная. И, конечно, когда мы говорим о спасении, мы имеем в виду сохранение всего человека. Слово «спасение» происходит от двух слов: «невредимый» и «сохраняю»⁴. Очень важным является следующее место у апостола Павла: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1Фес. 5: 23).

То, что человек есть ипостась, состоящая из единства души и тела, видно и из того, что душа не желает разделяться с телом и после смерти. Великое таинство смерти не исчерпывается просто фактом того, что человек теряет и разлучается с возлюбленными ему людьми, но в том, что душа покидает возлюбленную ей стихию, то есть тело. Слово святого Иоанна Дамаскина очень точно: «Воистину страшное смерти таинство, как душа тела насильно разделяется, гармонией связанный естественный союз Бога повелением отсекается». Существует природная естественная связь между душой и телом; между двумя этими частями человеческой ипостаси сохраняется гармония, и, следовательно, разлучение между ними становится болезненным, но в согласии с волей Божией.

Но даже после разделения души от тела ипостась не разрушается. Хотя душа отделяется от тела, но ипостась остается неразделенной. Эту богословскую истину мы можем увидеть на примере двух важных положений.

Во-первых, душа, отделившись от тела, сохраняет воспоминания о нем. Это мы можем увидеть из текста тропаря канона Великой субботы: «Ад, Слове, срет Тя огорчися, человека⁵ зря обожена, уязвлена ранами, и всеильнодетеля». Здесь говорится, что ад увидел Слово Божие, имеющее раны, но всеильное. И объясняет святой Никодим Святогорец православно и святоотечески, что в ад сошла душа вместе с Божеством, а тело пребывало во гробе вместе с Божеством. Тогда раны, которые увидел ад, должны были быть ранами Божества или ранами души? Первое исключается, потому что, когда страдала человеческая природа на Кресте, не страдала Божественная, так как Божественная природа бесстрастна. Следовательно, раны, которые видел ад, были ранами души. Но как это может быть, ведь раны были оставлены на теле? Из душевных сил некоторые действуют самостоятельно (ум, размышление, славление), а некоторые нуждаются в энергии тела (фантазия и ощущения). Так как раны Христа были ощутимы, значит, они были общими и для души, и для тела. Когда бичевалась и страдала плоть Христа, тогда «несколько смутные образы и типы и ощущения от ран и страданий запечатлелись и в самой душе. Когда слышим, что души грешников в ад следуют, то печати и знамения грехов своих с собою переносят».

Во-вторых, ясно, что с разделением тела от души не разрушается ипостась человека. Душа, несмотря на свое отделение от тела и распадение самого тела на части, узнает эти части и не отдаляется от них. Святой Григорий Нисский говорит, что душа признает эти части и приводится в те места, где находятся останки для признания частей всего тела. Так, душа не отдаляется от своего тела и «не входит в общение и не смешивается с материей оставшихся частей».

Следовательно, душа и после отделения от тела знает и узнает элементы и части тела, так что силою и энергией Божией вновь опять войдет в свое тело, и так произойдет воскресение мертвых тел. Очень показательное пророчество пророка Иезекииля, которое описывает это чудесное воскресение тел (см.: Иез. 37: 1–14).

Конечно, тело человека по восстанию из мертвых будет его же, но нетленное, бессмертное и обновленное. Апостол Павел говорит по этому поводу: «Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1Кор. 15: 42–44). То есть воскресшее тело человека будет иметь характерные признаки его ипостаси, но будет оно обновленное, поскольку во время второго пришествия Христа станет новая тварь, без следов тленности и

смертности. Возрожденное тело будет подобно Адаму и Еве до грехопадения, подобно телу Христа после славного Его воскресения. То, что человек станет обновленным созданием, не потерявшим при этом признаков своей собственной ипостаси, видно из святоотеческого учения. Согласно ему, исчезнут все болезни и все недостатки человеческого тела. Святой Иустин Мученик и Философ говорит, что если Христос во время первого своего пришествия на землю исцелял болезни тела и дополнял недостающие части тела человека, «насколько же более того соделает по общем воскресении, так что в целостности и неповрежденности воскресит плоть».

Таким образом, откровенная истина, как она выражена в Святом Писании и в святоотеческих текстах, убеждает, что существует теснейшая связь между душой и телом и что, несмотря на разделение души от тела, не разрушается и не исчезает ипостась человека, но душа знает и признает члены своего тела, и, конечно, целое тело, преображенное и обновленное, воскреснет во втором пришествии Христа.

Пастырские и экклесиологические последствия

Эти богословские обоснования, рассмотренные нами, должны быть достоянием нашей церковной жизни. Поскольку мы живем в обществе обмирщенном, необходимо увидеть пастырские и экклесиологические параметры затронутой темы. Древние христиане питали безграничное уважение к мощам святых, которые, подвергаемые мучениям, возможно и сжигались. Останки собирали из огня, помещали их с великим благоговением в особых местах и поклонялись им. Почитаются и даже малые частицы, потому что и «в разделенном теле благодать нераздельно пребывает». То есть со святыми происходит некая аналогия того, что было и со Христом. Душа Христа отделилась от тела, однако Божество пребывало нераздельно, душа вместе с Божеством сошла во ад, а тело с Божеством оставалось во гробе. Нечто похожее происходит и со святыми: когда душа их разрешается от тела, в мощах святого остается благодать Божия, свидетельствующая о себе.

К сожалению, обмирщенные христиане по другому смотрят на эту тему и считают вполне приемлемым практику кремации тел. Как мы можем подойти к этой проблеме с пастырской и экклесиологической стороны? Здесь я бы хотел очень кратко подчеркнуть два момента.

Первое. Церковь не может согласиться с кремацией мертвых и благословить на нее своих чад, потому что уважает человеческое тело, считает его храмом Духа Святого, одной из частей человеческой ипостаси. Осознавая то, что, несмотря на отделение души, единство ипостаси остается, такое действие может расцениваться как насилие над природой, поскольку естественным является разложение тела, а всякое насилие над естеством природы порождает экологические проблемы. А также мы не принимаем платонические теории о природе тел смертных и бессмертных. Мы не можем принять кремацию тел, потому что те, кто соглашается на нее, возможно, тем самым исповедуют платонические и древние философские взгляды, рассматривающие тело как узилище для души, или что тело не воскреснет, или что оно сосуд наслаждений, который должно отсечь и презреть, чтобы спаслась душа. Так скрытно в согласии на кремацию таится пренебрежение к телу, неверие в воскресение мертвых, возможно учение о переселении душ или вообще отрицание существования души после смерти.

Конечно, есть случаи, когда тела святых сгорели или тела людей сжигались по разным причинам. Но есть разница между добровольным и

насильственным сжиганием. Одно дело, когда это происходит без желания человека, и совсем другое – добровольное согласие. В первом случае Господь не засвидетельствует неуважение к телу. А во втором, когда человек по своей воле так поступает, это показывает его неверие. Конечно, и в первом, и во втором случае Бог воскресит и воссоздаст тело и из пепла, поскольку во втором пришествии все люди воскреснут: и те, кто пострадали от гонений, и те, кто были съедены зверями или сгорели от огня. Но то, что имеет для нас значение, – это та идея, которая стоит за принятием практики кремации тел. Именно поэтому Церковь столь внимательно исследует этот вопрос. Помимо богословских оснований есть и другие – психологические, социальные, которые не согласовываются со сжиганием усопших людей. Другие докладчики рассмотрят и с этих сторон этот феномен.

Второе. Те, кто соглашаются на кремацию своих тел, потому что имеют другие взгляды на существование души, воскресение тела и вечную жизнь, но одновременно желают и церковного погребения, создадут большую проблему для Церкви. Что делать Церкви? Отпевать и погребать пепел? Согласиться совершить последование отпевания над мертвым телом, зная, что после службы тело отправят в печь для сжигания? А потом погребать пепел на кладбище?

Эти вопросы вызывают пастырские и экклесиологические проблемы, которые, как я уже сказал, касаются богословских воззрений. И Церковь должна занять ясную позицию в этом вопросе.

На мой взгляд, возможный ответ может сослагаться из двух производных. Первое. Служба погребения тесно связана с присутствием человеческого тела, а не пепла. Все тропари говорят об усопшем, а не об испепеленном, о теле, которое находится перед нами, о последнем лобзании и т.д. Как же можно совершать погребение без тела? Второе. Вся служба отпевания имеет непосредственную связь с погребением тела, а не с погребением пепла. Таким образом, два этих заключения приводят к выводу, что не должна совершаться служба погребения ни до кремации, ни после нее. В первом случае не будет самого погребения тела, а во втором не будет тела, а только пепел.

В заключение я хотел бы сказать, что Церковь должна оставаться не подверженной влиянию духа мира сего и продолжать отпевать и погребать тела, которые могут стать мощами святых. Они будут почивать в ожидании своего восстания, и когда случится их обретение, была бы возможность увериться в святости усопшего. Потому что нетленность и чудотворение мощей есть доказательство обожения человека, так как

благодать Божия пронизывает и все тело. И конечно, подтверждение бытия святого имеет глубокое значение, поскольку тогда мы знаем, что его предстательство поможет и в нашем с вами спасении.

Примечания

¹ - В древнегреческой мифологии так назывался рай – место блаженства. – Здесь и далее примеч. переводчика.

² - Спиридон Макрис – известный современный греческий ученый, историк.

³ - Славянский перевод не совсем точен. Κατ' εἰκόνα – по образу, а ἄμορφον – скорее, не «безобразну», а «потерявшую внешний вид».

⁴ - Греческое слово σωτηρία имеет два корня со следующими значениями: σωον – «целый, невредимый»; τηρω – «сохранять, наблюдать». Русское слово «спасение» этимологически тоже имеет схожее значение – от глагола «пасти», то есть «наблюдать, сохранять в целостности стадо».

⁵ - βροτός – «смертный, человек».

Содержание

Богословская оценка и эклисиологические последствия кремации мертвых митрополит Иерофей (Влахос)	1
Богословская оценка	3
Пастырские и эклисиологические последствия	7
Примечания	10